

Засодимский Павел Владимирович

Повести из жизни бедных

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Повести из жизни бедных / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 286 с.

ISBN 978-5-519-85781-9

ISBN 978-5-519-85781-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

что-то другой, такъ далеко, что столяру иногда кажется, будто бы онъ во снѣ видѣлъ такой пріятный день...

Разъ о Пасхѣ отецъ водилъ его — тогда еще малаго ребенка — на колокольню; отецъ звонилъ, Никита тоже дергалъ какую-то веревочку. Колокольный звонъ разносился въ весеннемъ воздухѣ весело и радостно, весело и радостно билось Никитино сердце... Звонъ глушилъ Никитку, но Никитеѣ было очень хорошо. Вдали, на горизонтѣ тянулись лѣса; ясное, прозрачное небо кротко синѣло надъ городомъ, надъ полями и лѣсами; яркое апрѣльское солнце лило на землю потоки свѣта и тепла — и Никитка, стоя на колокольнѣ, живо ощущалъ всю прелесть весенняго тепла и солнечнаго блеска. Онъ любовался на нѣжную зелень молодыхъ березокъ, осѣнявшихъ старую, полуразвалившуюся, кирпичную ограду егорьевской церкви; полною грудью вдыхалъ онъ въ себя здоровый, свѣжій воздухъ... А колокола гудѣли и гудѣли; грачи, летая вокругъ колокольни, около покинутыхъ гнѣздъ, громко кричали и все-таки не могли перекричать колокольного звона; голуби тихо, смиренхонько ворковали, пріютившись на уступѣ истрескавшейся церковной стѣны, поросшей зеленоватымъ мохомъ. Никитеѣ было такъ весело, что онъ готовъ былъ похристосоваться съ каждымъ сизоголовымъ грачомъ, съ каждымъ голубемъ, съ каждою живою тварью... Въ ту пору былъ онъ очень добръ и ласковъ...

Хотя теперь, когда столяру перевалило за пол-вѣка, онъ и не можетъ съ увѣренностію сказать: дѣйствительно-ли это былъ только одинъ день или нѣсколько дней слилось для него въ одинъ, но все-таки веселый колокольный звонъ на свѣтлой недѣлѣ постоянно и до сихъ поръ наводитъ на Никиту тихую

грусть, пробуждая въ немъ воспоминаніе о какой-то сказочной дѣйствительности, подобной сну. Только одинъ такой праздничный день выпалъ на долю Никитѣ, а затѣмъ тянулся рядъ непріятныхъ воспоминаній безъ конца и безъ начала. Трудно дышалось Никитѣ въ родной семьѣ, не весело жилось ему въ свѣтѣ...

Изъ безчисленныхъ, забытыхъ и полузабытыхъ воспоминаній выдавалось особенно ярко одно темное воспоминаніе о воспоминаніе объ украденномъ въ сосѣднемъ саду яблокѣ. Никитка только что было успѣлъ сорвать одно яблоко-зеленецъ, не успѣлъ даже и откусить его, какъ вдругъ откуда-то возмись огромная, черная собака. Она бросилась на Никитку, сшибла его съ ногъ и принялась его душить и мять въ свои лапищахъ... Въ ту минуту изъ-за деревьевъ показался баринъ. Увидавъ, что его вѣрный песъ разорвалъ мальчугану рубашонку и оцарапалъ плечо, баринъ, убоявшись дурныхъ послѣдствій, оттащилъ собаку отъ Никитки...

.
.
.

Никитка очнулся уже за заборомъ въ кустахъ репейника между крапивой—и въ самомъ жалкомъ видѣ. Какъ онъ сѣлся въ крапивѣ, — Никитка не помнитъ... За то не забыть ему эту черную, злую собаку, едва было не задушившую его за зеленое яблоко. Боялся и не любилъ онъ послѣдъ такихъ большихъ собакъ. Приключеніе въ барскомъ саду вѣрно вѣлось ему въ память...

Дома его еще отецъ выпоротъ, внушительно приговаривая: „Балуѣ да не попадайся! Не попадайся!“ Никитка гр

отчимъ голосомъ увѣрялъ отца, что онъ „больше не будетъ“ и, действительно, послѣ того „не попадался больше“.

..... ю
р з
л и

Никита еще мальчишкой сдержалъ свое слово, данное отцу, подъ розгами: сталъ осторожнѣе... Барскія яблони опустошались; ломался хрупкій малинникъ и колючій крыжовникъ, рвались и крошались въ барскихъ цвѣтникахъ великолѣпныя георгины, желтая и алая махровыя розы, а Никитка оставался цѣлъ и невредимъ.

Такъ же ясно Никитка помнилъ всегда грозно поднятый надъ собой тяжелый отцовскій кулакъ, помнилъ постоянную зругань вокругъ себя и драку. Дома онъ грызся съ отцомъ и братьями, на улицѣ—съ чужими; сначала онъ только отгрызался, а потомъ уже, войдя во вкусъ кусанья, самъ сталъ нападать на ближнихъ.

Ссоры съ отцомъ происходили у Никитки болѣе изъ-за ятой заповѣди. Отецъ, согласно заповѣди, требовалъ отъ сына безусловной покорности своей волѣ, а сынъ, по легкомыслію, не ставилъ ни въ грошъ отеческихъ требованій, которыя, просто, казались ему „ехидствомъ“. Пошлетъ его, бывало, отецъ изъ кабака за водкой, а Никитка, позабывъ всѣ заповѣди на свѣтъ, задуваетъ себя съ парнишками въ бабки и лихо разбиваетъ ряды костыжекъ битвомъ, налитымъ оловомъ: не до сѣнца ему, не до водки. Загуляетъ онъ до поздняго вечера и воротится домой для полученія колотушекъ уже тогда, когда ему захочется не въ терпѣжь. На побои же отецъ былъ очень робокъ, полагая, что чѣмъ болѣе ребятъ бьешь, тѣмъ они бу-

Г дуть лучше, изъ чего ребята, естественнымъ образомъ, выв
Д заключеніе такого рода: сдѣлаться лучшимъ человѣкомъ,
В отцовскому рецепту, очень тяжело и трудно.

П Ссоры съ братьями завязывались у Никитки чаще всего и
П за ѣды, изъ-за куска пирога, изъ-за куска хлѣба съ лукомъ,
изъ-за лишней ложки прогорклыхъ щей или кислаго молока.

Выросъ наконецъ Никитка, пережилъ всѣхъ братьевъ, ко
торымъ посчастливилось умереть въ скарлатинѣ, отца похоронилъ (матери онъ не помнилъ) — и зажилъ одиноч
самостоятельно. Самостоятельность его на первыхъ порахъ я
явилась въ женитьбѣ на дочери мелочнаго торговца, на дѣ
бойкой и красивой. Но жена, кромѣ дѣтей, никакого бла
получія не принесла съ собою въ домъ столяра. Несправед
ности заказчиковъ, систематическія подкапыванья своего бр
бѣдняка и тому подобныя, по словамъ Никиты, „мерзости
пштуки“ заставляли столяра обращать вниманіе на кабакъ,
чего дѣла, разумѣется, не могли идти лучше. Нужда и
казалось, взялись быть неразлучными спутниками Никиты
жизни.

То онъ прятался отъ добрыхъ людей, замуравливаясь
своемъ подземномъ жилищѣ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ.
Слова, бывало, не проронить ни съ еѣмъ, только хмурить
Въ такіе тяжелые дни семья Никитина притихала: въ каморкѣ
раздавался только стукъ молотка да визгъ пилы, по
стружки разлетались, и молчаніе столяръ перерывалъ то
для того, чтобы кого-нибудь обругать. Тутъ ужъ и Андрюш
сыннишка-любимецъ, не забавлялъ Никиту; не находилъ от
утѣшенія въ ребяческихъ ласкахъ — да и ни въ чемъ его
было для Никиты.

То напускалъ на себя столяръ веселье, выпивая водки, штофъ за штофомъ, но пьянство, какъ всякое напускное веселье, оказывалось недѣйствительнымъ: веселье не веселило. Въ пьяномъ весельи, какъ и въ горѣ, звучала для Никиты все одна и та же безысходно-грустная нотка, звучала безпрерывно, до боли надрывая сердце, туманя мысль. Никита трезвый хмурился и вздыхалъ; Никита подъ хмѣлькомъ тоже хмурился, но вздыхалъ уже не изподтишка, а громко, всю грудью—и чувствовалъ въ тѣ минуты непреодолимую потребность что-нибудь побить: дѣтей своихъ, посуду, старую треногую скамѣйку или жену... Ничто не могло оттолкнуть Никиту отъ кабака, когда онъ хотѣлъ напиться: ни мысль о голодающей семьѣ, ни спѣшность заказанной работы. Никакіе, самые мудрые, самые строгіе законы не помѣшали бы Никитѣ напиться въ тѣ минуты до безчувствія, до забытья той горечи, что капля по каплѣ осаждается по вся дни въ жизни грудныхъ: въ тѣ минуты онъ продалъ бы и свою семью, и самого себя и все—никакая сила не вырвала бы у него изъ рукъ рокового стакана...

Двадцать лѣтъ живетъ столяръ со своей Катериной Степановной и все еще не можетъ рѣшить вопроса: „Для коего изъ нихъ женился онъ?“

— Дури-то въ тѣ поры, видно, много было! развѣдалъ онъ не разъ съ самимъ собой.—Цѣловаться хотѣлось въ тѣломъ то она, аспидъ, больно ужъ выпала... ст...

Жена его, съ своей стороны, такъ же не могла удовлетворительно рѣшить головоломнаго вопроса: зачѣмъ она зашла... Такъ же, должно полагать, по глупости больше, цѣловаться хотѣлось! И пошла она по той же дорожкѣ...

торой шли всѣ, пошла и споваялась, какъ и всѣ каялись свою очередь; погоревала она заднимъ числомъ, поругала всласть за то, что замужъ сдуру пошла, связала себя веревкой крѣпкою по рукамъ и по ногамъ.

— То-ли бы дѣло безъ Никиты! То-ли дѣло безъ ребенка! Сама себя прокормила бы, кланяться-бы не надо—волѣптаха! Куда захотѣла—полетѣла, вездѣ бы пристала, примилась бы... А теперь ужъ не вырвешься... Экій адъ, прости Господи!...

Такъ въ часы досады и боли жаловалась Катерина пановна на свою злую долю, проклинала свою непоправимую ошибку...

Теперь ужъ ей за сорокъ. Ея блестящіе глаза потухли отъ дыма и чада, отъ слезъ и бессонныхъ ночей; ея щечки, веселое личико сморщилось и пожелтѣло; не привѣтливая, а злая улыбка пробѣгаетъ по ея сухимъ губамъ.

— Ноженьки и рученьки такъ разломило, что, шевелиться не моченьки нѣтъ! жалобилась она кумушкамъ-сосѣдкамъ.— Промаялась всю ноченьку промаялась, соснуть не могла... Подъ мышками подстучиваетъ и спину-то всю разкололо...

По совѣту кумушекъ-сосѣдокъ ходила она къ одной лекарице ворожеѣ, но чародѣйство не помогло; одна благочестивая баба дала ей рушечку какой-то ленточкой отъ чудотворцевъ перевязывавшую болѣвшую руку, но и чудесная ленточка не помогла... Катерина Степановна на всѣ чудесныя и нечудесныя средства махнула рукой.

Болѣзни, постоянная скудость во всемъ, несправедливый падокъ мужа и чужихъ людей, возня съ семьей едѣлали ее несчастною — Катерину Степановну, женщину нѣкогда пылкую и

силъ и здоровья, женщину добродушную и спокойную превратили въ безпокойную, раздражительную старуху, немогшую безъ брани шага ступить. Какъ мать, она была жестока; какъ жена — сварлива и зла... Не выбиралось изъ 365 дней ни одного такого благодатнаго дня, чтобы она не поругалась съ мужемъ и не треснула бы чѣмъ-нибудь по головѣ хотя бы одного изъ своихъ ребятъ. Съ сухимъ, сморщеннымъ лицомъ, съ взъерошенными волосами, выбившимися изъ-подъ нечистаго дыряваго платка, вѣчно съ жесткимъ, ругательнымъ словомъ на устахъ — она могла бы показаться фуріей тому изъ множества читателей, который не испыталъ на своей собственной шкурѣ, что значитъ: постоянно, изо-дня въ день недоѣдать, недопивать, дрожать отъ холода, переносить побои и брань. Не показала бы она фуріей тому, кто бы подсмотрѣлъ, какъ она разъ о Рождествѣ обогрѣвала передъ печкой малютку-нищаго, который совсѣмъ-было закованъ на трескучемъ морозѣ, славя подъ окнами Христа! Какъ она ласково гладила сиротку по головѣ, потчивала пирожкомъ!... Не показала бы она также фуріей и тому, кто бы увидалъ, какъ она защищала свою маленькую Настю отъ пьянаго, разъяреннаго отца и принимала на себя побои, предназначавшіяся до-дому! Нельзя было бы назвать ее фуріей, видя, какъ она — бывшая усталая, измученная — просиживала ночи напролетъ у постели своего больного мужа!...

Не фуріею была Катерина Степановна, а женщиною, забывшеюся въ горькихъ слезахъ, въ слезахъ дѣтей, въ слезахъ собственныхъ слезахъ... Ее мужъ ругалъ, допекали дачники — она щипала ребятъ, таскала ихъ за волосенки, да по-своему свою очередь вымещали свою злобу другъ на дру-

гѣ, на кошкахъ и собакахъ—сильный терзалъ слабого, с
бый ревѣлъ благимъ матомъ и жаловался тятѣ или мам
являлись на сцену прутья, вой усиливался, послѣ чего нас
пало минутное затишье: всѣ бродили, надувъ губы, ко
пряталась подъ печку, пила визжала, за перегородкой
чала Катерина Степановна, а тамъ опять шло по прежнему
—и такъ съ утра до ночи; ночью въ жилищѣ столяра
нали, охали, невнятно бранились и плакали съ просономъ
Справедливо называла адомъ свою жизнь Катерина Степановна

Но между многими пороками и болѣе или менѣе гну
ми недостатками въ Никитиной женѣ было одно золотое
чество: Никитина жена, ~~о~~ рабала, рукъ не покладая, руга
и проклинала, не унывая, не падая духомъ. Глядя на
можно было удивляться, до чего выносливъ, живучъ чело
если даже и въ дьявольски-тяжелой жизни, подобной
Катерины Степановны, онъ не вовсе еще обращается въ
таго звѣря, а сохраняетъ въ себѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ
чествъ, которыя дѣлаютъ поразительнымъ сходство между
полувзвѣремъ, и тобой, мой цивилизованный читатель.
рина Степановна не принадлежала къ категоріи обезсилѣ
она дѣятельно заправляла своимъ маленькимъ хозяйст
занималась прачешнымъ ремесломъ, ходила полы мыть; лѣ
когда бары-давальцы разѣзжались по своимъ усадьбамъ
нанималась на огороды.

Не сидѣла безъ дѣла и дочь ея, семнадцатилѣтняя
Она вмѣстѣ съ матерью возилась съ бѣльемъ и по
часамъ мерзла зимой у проруби, полоща бѣлье; въ сво
же отъ стирки время она клеила гильсы и разносила
домамъ; помогала матери обшивать семейство и даже не

пилила съ отцомъ и приготовляла брусья, выглаживая их стругомъ. Зато и жизнь успѣла уже наложить свою жесткую лапу на ея молодое личико. Когда она, сидя подъ окномъ склеивая гильсы или вертя мундштуки, подымала отъ работ свою бѣлокурую, хорошенькую головку, въ глазахъ ея проявлялась тревога и какое-то неопредѣленное чувство беспокойства, а лицо выражало не то вопросъ, не то надежду, не то мольбу... Взглянувши на ея глаза, можно было подумать, что она или только что плакала или хочетъ заплакать — такъ уныло, тоскливо смотрѣла ни... Но она молода, сердце ея еще не заскорузло, не сжимается, какъ ежится на огнѣ сухой листь. Она внимательно всматривалась въ щегольскіе, дамскіе наряды, съ тайнымъ, непонятнымъ для нея удовольствіемъ заглядывалась она на красивыя лица встрѣчавшихся ей на улицѣ мушкетеровъ — и дѣвушка не понимала: какъ это мать могла запрѣтить ей глазѣть по сторонамъ.

— Иди, да не зѣвай у меня! Я тебѣ косу-то встречу... Вишь ты и ленточку повязала... нечасто ворчала Катерина Степановна, отпуская дочь изъ дома для разноски гильсы или по какой-нибудь иной надобности.

Не понимала Настя: за что ее мать встрепать хочетъ; отчего матери такъ не нравится ея голубая ленточка.

Для Катерины Степановны будущее уже представлялось просто грязной дорогой къ кладбищу. Настя же еще надеялась, что туманъ разсѣется и начнется для нея лучшая жизнь. Не даромъ въ ея умныхъ, голубыхъ глазкахъ загорается огонь жизни, огонь любви и вспыхиваютъ румянцемъ ея блѣдныя щеки, когда завидитъ она въ окно знакомаго писаря. Настя не того еще ждетъ, на многое надеется... Какъ, напримѣръ,

приятно билось и замирало ее сердце, когда однажды свѣтлым
различнымъ вечеркомъ за воротами писарь попотчивалъ
алеными орѣхами и шепнулъ ей какой-то подержанный ко
лиментъ! Какъ она, въ другой разъ, весело лукаво смѣяла
когда тотъ же писарь, идя по дырявымъ мосткамъ мимо пи
конь, заглядѣлся на нее и упалъ. Ахъ, если бы не бы
та! Она, непременно, выскочила бы за ворота въ
болтать съ нимъ, поиграть, побаловаться... Время было е
не позднее; всѣ гуляютъ, бавляются... Надъ городомъ е
корить заря и на улицѣ, какъ днемъ, свѣтло... Но мать не
ворчить, что Настя все бавуши бьетъ, что надо мундшту
оставлять, да выкрахмалить нѣсколько сорочекъ нужно
автрашнему дню..

„Работай да работай! Все только работай... Вдыхай
хоть, просто, не переводи! Никакого тебѣ и веселья-то нѣтъ
Люди праздничаютъ, а ты крахмалъ заваривай!..“ жалова
сама себѣ Настя и принималась заваривать крахмалъ, отго
отъ себя заманчивый образъ, всѣ мечты и желанья, кото
одни только и могли бы скрасить жизнь для Насти.

Кромѣ Насти, подъ родителевымъ кровомъ жилъ
какъ сказано, Андрюша, малячищечка лѣтъ четырехъ, са
младшій членъ Никитиной семьи. Свѣтлокудрый Андрюша
ставлялъ собою существо до того незлобное, до того
кое, доброе и милое, существо до того ярко и рѣзко вы
павшее изъ всего окружающаго, злого и грубаго, что ку
ки пророчествовали хоромъ: будто бы „парнюга эфотъ“, и
жилецъ на бѣломъ свѣтѣ“.

— Такіе ребятки, матушка ты моя, николи не жи
подолгу! говорила старуха-нищан, жившая рядомъ съ ст